

Аристотелевские категории и позднеантичная комментаторская традиция в учении Григория Нисского и в его полемике с Евномием

Д.С. Бирюков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», dbirjuk@gmail.com

Полемика представителя никейской партии Григория Нисского с учением лидера ариан Евномия о тварной природе Сына была связана, в частности, с проблематикой общего/универсального в связи с принципом «больше-меньше». В ходе этой полемики Григорий апеллировал к положению аристотелевских «Категорий» (2b, 26-27, 3b33ff.), по которому о первой сущности (индивиде) не может говориться как о большей или меньшей в плане ее отношения ко второй сущности (ее виду). Тогда как Григорий Нисский в трактате «Против Евномия» приписывает Евномию то, что тот прилагал этот принцип к категории сущности (Против Евномия I.1.317, I.1.282, 321), и этот факт принимается как данное современными учеными [1, pp. 55, 57, 125, 130; 2, pp. 345–346; 3, p. 94–98], анализ цитат из Евномия, приводимых Григорием, позволяет усомниться в том, что такое изложение учения Евномия справедливо. А именно, когда Григорий обсуждает отдельные положения из вышеприведенного отрывка, он вместо слов Евномия: «...Необходимо, чтобы *энергии*, следующие за каждой из сущностей, были одни меньше, другие больше» (τὰς ἐκάστη τῶν οὐσιῶν ἐπομένως ἐνεργείας ἐλάττους τε καὶ μείζους εἶναι), приводит слова: «По необходимости должно полагать, будто бы *сущности* одни меньше, а другие больше (ἐλάττους τε καὶ μείζους τὰς οὐσίας)» (Там же I.1.317, ср. I.1.282, 321). Т.е. Григорий вначале приводит цитату из второй «Апологии» Евномия о «больших и меньших» энергиях, где Евномий выражает принцип, выдвигаемый им в первой «Апологии», согласно которому о природе вещи судят исходя из знания о ее действиях (энергиях), затем же, обсуждая это место, преподносит слова Евномия так, будто тот учит о приложимости принципа «больше-меньше» к сущности.

Также Григорий Нисский развивает концепт, активно обсуждаемый в современной научной литературе, по которому все люди составляют единого человека (Об устройении человека XVI.16–18; (Пс.-Василий.) Письмо 38.2; К Авлавию 40.10–23 (Jaeger)) и слово «человек», указывающее на человечество вообще, а не на человеческого индивида, корректно использовать только в единственном, а не во множественном числе (К Авлавию 40.5–9, 41.7–15). Григорий утверждает, что это связано с тем, что поскольку «человек» указывает на вид, или природу, употребление этого слова во множественном числе предполагает наличие множества природ, что значило бы, что природа человека перестает быть неделимой, что, по Григорию, абсурдно. В связи с этим Григорий говорит о специфике ипостасей и природы, используя категории счисляемости/разделимости и единства. Ипостаси соответствует счисляемость и разделение (διαμερισμός), природе – единство. Григорий называет природу неделимой монадой, не способной ни к увеличению, ни к уменьшению. Это монада – единая, хотя и являемая во множестве (то есть человеческих индивидах), она всецелая и неразделяемая теми, кто ей причастует (Там же 40.24–40). Историко-философский контекст этих положений по разному интерпретировался исследователями. Ни одна из известных мне интерпретаций не кажется мне удовлетворительной. Так, И. Цаххубер в своем обширном труде [3, p. 116] пытается доказать, что когда Григорий в этом трактате ведет речь о всецелой монаде, это отсылает к пониманию природы в коллективном смысле универсалий, выраженном, согласно Цаххуберу, также в т.н. 38 письме, тогда как упоминаемый Григорием концепт «единого человека», который «в» человеческих индивидах и корректное выражение в языке которого возможно только в единственном числе, как считает Цаххубер, отсылает к концепту универсалии имманентной вещам. Понимание универсалий в коллективном смысле, имеющее место, по мнению Цаххубера, в 38-м письме, исследователь соотносит с понятием «общего человека» у Александра Афродисийского (На Метафизику 426.19-26

(Navduck)), которое Цаххубер также понимает в смысле коллективной универсалии (р. 88). Р. Кросс подверг критике концепцию Цаххубера. Он предложил свое понимание, по которому учение Григория не предполагает наличие коллективных универсалий. Кросс [4] утверждает, что Григорий не только не поддерживал коллективное понимание универсалий, но, наоборот, в трактате «К Авлавию» он полемизировал с таким пониманием универсалий неоплатоническими авторами, а именно, с коллективным пониманием универсалий, представленном – как считает Кросс – в «Исагоге» Порфирия. В ответной статье [5] Цаххубер уточняет свое понимание, заявляя, что коллективный смысл универсалии у Григория Нисского должен пониматься не просто в смысле целостной суммы индивидуумов этого вида, но в смысле «конкретного целого» (a concrete whole) и что соотношение универсального и единичного в ней подобно единству-в-множестве, как это понимали неоплатоники (Плотин. Эннеады V.9.6.8–11, IV.2.1.62–66). В отличие от предшествующих исследователей, я считаю, что указанный концепт, развиваемый Григорием, основан на традиции аристотелевских «Категорий» и неоплатонических комментариев на этот трактат. В этом отношении я вижу несколько линий, существенных для специфики взгляда Григория и использованного им философского языка, которые, вместе с тем, находят свое проявление и в предшествующей Григорию античной философской традиции, связанной с «Категориями» и комментариями на этот трактат. Это 1) положение о том, что особенному и единичному соответствует разделение, тогда как видовому и природному – единство; 2) концепт «единого человека» в приложении к человеческому роду; 3) речь о причастности единичного к общему, или индивидов к природе; 4) положение о неразделимости вида причастуемыми к нему индивидами; 5) принцип больше-меньше. В этом отношении я нахожу проявление у Григория важной линии порфириевской «Исагоги» (II.6.16–23 (Busse)), где движение по родовидовой иерархии в направлении более особенного связывается с понятием разделения, а движении в направлении более общего – с понятием единства, и потому, как говорит Порфирий, единичное связано с разделяемостью, а общее – с единением. Порфирий проговаривает это в том же месте из «Исагоги», где возникает и другая тема, важная в контексте рассматриваемого концепта Григория Нисского, – тема «единого человека» в приложении к человеческому роду. В этом же фрагменте Порфирия присутствует и аристотелевская тема причастности индивидов к своему природному виду, также используемая Григорием в «К Авлавию». Итак, я считаю, что ведя речь об историко-философском бэкграунде указанного концепта Григория Нисского, можно утверждать, что в целом Григорий в этом отношении ориентировался на перипатетический философский контекст (это проявляется, в частности, в использовании им тем «больше-меньше» и причастности индивидов к своему природному виду) и основным источником для него является «Исагога» Порфирия (в особенности это проявляется в рамках тем «единого человека» и связи единичного с «разделяемостью», а общего с «единением»).

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 16-18-10202, "История логико-философских идей в византийской философии и богословии".

Литература

1. Balás D. *ΜΕΤΟΥΣΙΑ ΘΕΟΥ. Man's participation in God's perfections according to St Gregory of Nyssa*. Romae, 1966.
2. Meredith A. The Divine Simplicity. *Contra Eunomium*, 1.223-241 // “*Contra Eunomium I*” en la produccion literaria de Gregorio de Nisa. Pamplona, 1988.
3. Zachhuber J. *Human Nature in Gregory of Nyssa (Philosophical Background and Theological Significance)*. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000.
4. Cross R. Gregory of Nyssa on Universals // *Vigiliae Christianae* (56) 2002.
5. Zachhuber J. Gregory of Nyssa on Universals // *Journal of Theological Studies* (56) 2005.